

Георгиевский храм в Юрьевом монастыре. Храм – столп и исихастерий.

Достаточно сказано о назначении лестничной башни в образл-литургическом пространстве храма, достаточно приведено примеров, обобщений, оснований для выявления аналогии в устроении лестничной башни и отбельного молитсенного объёма – Троицкого придела в храме на Ильинской. Достаточно оснований и для выявления, отличий башни и придела, как несколько различающихся типов исихастерия. Но, быть может несколько избыточно, позволим себе ещё раз – рассмотреть и промыслить о назначении лишь одного из уже упомянутых примеров – о лестничной башне – исихастерии Георгиевского собора. Неизбежно повторяясь и оправдывая себя в повторениях, выскажемся так: храм – столп «башенка» в юго-западной части Георгиевского храма видится основанием к сугубому и более - к личному духовному возрастанию, восхождению. Подобным пространством, вмещающим и образующим общее духовное делание, является и собственно храм, расположенный непосредственно на земле, - здесь собираются люди в собор, в земную церковь к совершению (в прямом смысле сочетания приставки и корня слова «совместно» и «верх») таинств литургии – таинственного служения Богу, к вос-принятию Его Святых Таин. В храме – ротонде на столпе литургическое пространство – увенчивает - личное восхождение, личное делание человека, является акцентированной, сформированной вершиной личного воз-движения человека. Литургия – как таинство проникновения Бога в человека, восприятия и усвоения человеком Бога... как действительное о-Боживание – может быть лишь таинственным и общим делом, высшей степенью личного движения горе. Личное движение, как мы уже помянули это сравнение, - подобно плодам восходящей и возводящей лестницы, узлам, нанизанным на общую нить лестовки – чётков, - есть деятельный духовный опыт со-пробы, со-беседования, со-прикосновения человека и Бога. Но на столпе храма молитвенное умное движение не заканчивается внутри грудной клетки, воспринимающей Бога в личной встрече с Ним. Во внешнем, архитектурном оформлении исихии, на высшей точке личного делания цветёт таинство пресуществления Святых Даров, причащения Христа, со-причастности Христу, о-Боживания человека Христом, действительно осуществляется уделение человеку – части Божественного естества, усвоение человека Богом и обратное – усвоение человеком Бога, проникающего причащением во все самые отдалённые составы человеческого естества... во утробы, в составы, в сердце. Личное делание буквально имеет свою целью таинство этого действительного взаимного проникновения Бога и человеческого естества, востекает к этой Цели, к причащению в общем литургическом со-служении. Не вне-церковна и не вне-образна личная практика молитвы, личное возделывание сердца ко стяжанию благодати Духа Святаго Божьего. Но столпничество исключительно – литургично, имеет за-вершением, высшей точкой – литургическое восприятие человека - Богом на горе святых Своих. В этом смысле слова исихастерий – это пространство – литургической – общеделательной тишины. Пространство, в котором тишина личного стяжания Духа и о-Духо-творения, - становится тишиною общей, сообщённой, литургической – на высотах общего со-служения. В этом понимании вполне правомочно образу - раздвинуть пределы личной келии, распахнуть её, расширить личное – до пространства, вмещающего литургисающую братию. Расширить и более – до пространства исихии в понимании святого старца Паисия – до пространства монастырского бытия... И ещё более расширить пространство тишины – до личной столпнической молитвы личного освящённого Богом космоса – до молитвы о мире, распространённом вокруг, под

разверстым и внемлющим небом, пред Богом, откровенным подвижнику. Лествичный столп, держа в себе, словно в пчелиных медоносных сотах, уединённые молитвенные труды анахоретов, не является столпом одного лишь уединения и вознесения от мира. Человек на вершине столпа – и Бог с высоты небес, окружающих эту вершину. Сообщество уединений во Христе, и со Христом – на вершине восхождения, сочетается и соединяется в единой, увенчивающей цели. Вот такие грани понимания термина, как видится, допустимы вполне. С такими воспринятыми нами гранями осмысливания образа – можно бы вновь обратиться к рассуждениям о живописи Троицкого придела в храме Преображения на Ильинской улице.

Но прежде мысленного возвращения в Троицкий придел храма Преображения, заметим лишь вкратце то, что создание пространства сугубой уединённой молитвы, восходящей к литургии, пользуясь более поздней терминологией, - пространства сугубого нестяжательства, в монументальной грандиозности храмового сооружения - сопряжено с областью иосифлянско-великолепия... - таковая практика сочленения акцентов личного и общего делания, как не противоречащих друг-другу, в едином архитектурном устройении... таковая практика не есть некое уникальное и исключительное явление, отмеченное в Георгиевском соборе. Вероятно, эта практика восходит к традиции устройства скитов и келлий вблизи древних общежительных монастырей, умело и выверенно сочетающих уединённое и общее предстояние перед Богом, личное и общее - проникновение в Его тишину, недоуменное опытное приникание к Его сущности. Близкие ветви единого пути ко Христу осторожно и выверенно устраивают свои особенные литургические пространства, дополняющие друг-друга, со-единённые "неслиянно" и единые во Христе, единые в архитектурно - образном теле храма. Примеры подобного устройства молитвенного храмового пространства свойственны преимущественно монастырским храмам. Обнаружим их и поблизости от Юрьева монастыря, и на некотором от-далении от него. И не помыслим здесь о явлении некоей особенной и уникальной традиции храмового устройства.

О подобных примерах сочетания архитектурно – литургических пространств следует рассуждать более детально, обстоятельно, плодо-творно. Но даже вкратце рассмотрев близкие аналогии, заметим видимое и значимое отличие в устройении особенного пространства в Спасо - Преображенском храме на Ильинской. Храм этот совсем не монастырский и образная область сугубого личного духовного делания устроена в нём не для возделывания высоких плодов монашеского подвига, но к аскетическому восхождению вполне мирских новгородских "уличан". Быть может, именно поэтому столь важен, столь необходим... и столь высок предназначением образ в пространстве исихастерия...

Позволив себе столь пространное отступление несколько в сторону от основной нити размышлений – не помышляем, что от-ступили от сути рассматриваемого нами, от живописного образа, раскрывающего образный путь к человеку личного Бога, Который Сам желает открыться, об-наружить-Себя перед человеком. Образ есть практический способ символически выразить, из-образить Бога, открывающего Себя. Само слово «из-ображение» – говорит о некоем движении к нам изнутри открытого образа. Образ из-являет, про-являет, из-водит, из-вергает, ис-пускает из себя Того, Кто стоит за его дверями. Повторимся в который уж раз предостережением самим себе, да не впадём в оккультизм: не образ сам по себе, не магия рукотворных из-образований, Сам Творец всего и вся – из-

водит, из-ясняет Себя через рукотворное из-ображение, - изъясняет по мере нашего открытия образу, по мере Своего произволения дышать навстречу в ответ на понуждение наше. Словно бы Ной, утративший человеческое разумение, открывает себя Бог, растрчивая таинственность и пре-одолевая Свою непознаваемость. И нам, увидевшим, - не уподобиться бы Хаму, - укрыть при-открытую наготу Бога, как невозможное для нашего видения. Таковым представляется достоинство в пред-стоянии пред откровением в образе, в познаваемом символе. Сотворено окно образа - виждь, не расточая, не пре-одолевая таинства, оставляя сокровенное - со-крытым и таиственное - утаённым. Чем чище окно рукотворённого образа, - тем более настроены мы перед ним, но не в том единственное условие встречи. Не принуждаем Господь, но умолим. Чем яснее, чище, искреннее наше моление, чем более раскрыто, духовно истончено рукотворение наше – тем более настраиваемы к во-ображению, к со-образности, со-чувствованию перед образом... но, увы, не в наших силах устроить, пред-определить что-либо, имеющее бытие по ту сторону символа, по ту сторону пропасти неслиянности, не познаваемости, апофатии... Дух дышит, как хочет Сам. Дух буквально из-влекает Себя из образа, ис-торгает... быть может – состоятельна и такая форма частичного уразумения про-исходящего - чрез образ словесный. Изнутри неведомого Бог становится воспринимаемым, познаваемым, осязаемым, достижимым. Тонкое, едва осязаемое, едва ли объяснимое логически, но передаваемое опытно, изустно, образно, - пре-вращение смыслов: греческое «апо» – пре-творяется, пусть на времечко, едва уловимо, но – уловимо же! и предостаточно, чтобы понести и усвоить, как залог спасения – пре-ображается «апо» в греческое «ката». Бог – познаваем по благодати Его! Существует Троица Рублёва – значит есть Бог! Существует пространственный образ Феофана – значит – и несомненно имеющему очи: есть Бог! Вот в этом, можно сказать, суть православия, торжествующего о воспринимаемом Господе, торжествующего в почитании воспринимаемого Бога пред Его образом. Торжествующее православие – буквально – ликует, преисполняясь до возможных своих пределов – радостью об открывающемся в образе – Боге. Радостью о достижимом Богосыновстве, о достигаемом во святых уподоблении. Образ Божий в человеке – уподобливаем Первообразу. Как вынести эту радость, как понести её в себе, не ожегшись... и не расплескав жара.... Радость знания о Боге, о Его Любви, об от-кровении, про-явлении к нам. Исполнен, живо-писан образ – и неизбежна радость о Господе. Возможна ли большая катафатика в личном Богословии, в личном миро-воззрении, в личном про-движении – подвиге на встречу Грядущему к нам. Да придет Царствие Твое!

Живописанный образ обрамляет образ Божий в человеке, пробуждает его, настраивает его оживотворение, воз-буждает его подобие и внутреннее движение, возрастание к пре-подобию Божьему... вращение в преподобие... Здесь как бы два образа раскрываются друг – другу. Образ живописанный, рукотворный, и образ внутренний, Богоданный в человеке, - настраивают взаимную связь, неведомо как – возделывая прямыми – пути Господа к нам. Возможно ли настроить эту связь, соделать эти пути вне икон? Возглашая, Иоанн Предтеча, вовсе не помышлял о том, чтобы люди начали писать иконы. Конечно же – нет. Но каковы же в благочестивой практике православия – критерии истинности? – это ли метод, определенный духовный бесконечным Богом путь, способ исправления духовного пути Бога к себе и себя к Богу, - он оказывается действенным, проверенным, выверенным, плодоносным, неложным и прямым. Это ведь действительно – торный, про-веренный, вы-веренный, испытанный путь восшествия к Богу, - в о-

живлении внутреннего человеческого образа через образы живо-писанные. Обретение через это оживление, восчувствование Живого Бога и Самого Бога по мере Его Своевольного откровения нам. Божественная любовь не может быть неответной – уверяет нас образ, убедительно, утешительно – возгревая в нас любовь, со-чувствие, симпатию, сострастие к образу. Вот – эта радость, вот – это торжество открывшегося перед нами духовного неба, радость о Господе – радость и торжество Православия, избирающего этот путь – это иконо-ведение. Православие – радуется и ликует в живо-писанных ликах, выстилающих путь, прямой путь к Богу, указывающих собой этот путь и открывающих его для нас и к нам из неведомого в наше обстоящее, обыденное, - в окружающую нас действительность... и путь из обыденного, об-стоящего – в неведомое. На стыке этих путей и взаимно направленных движений – торжественно встречаем открывающегося в образе Самого Бога – и не погрешаем перед чистотой православия, даже только лишь ожидая этой встречи, помышляя о ней в почитании образа.

Образ Божий способен не только радовать нас, пробуждать, возбуждать в нас душевные наслаждения и эстетические радования, удовольствия, философские и Богословские помышления. Насыщения, удовлетворения пред образом алчет всё человеческое естество, все его составы и телесные, и духовные. И, что кажется наиболее важным, всё человеческое естество – настраивается перед образом в истинной иерархии своих составов, оживотворяется в этой настроенности на верное направление возрастания, образует истинный вектор, верный признак того, что есть человек во взаимоотношении со своим Творцом... человек жаждущий Господа и ждущий встречи с Ним. Именно на это и не менее того - настраивает оживотворяемого человека живописанный образ. Не к бесплодным заключениям ума, к само-заключению, - пробуждает образ, но к животворному произрастанию из себя в Бога, превыше всяческой замкнутости, произрастанию пространному, пространнее пределов человеческих, к про-, рас-пространению к небесам Господним, к со-единению с ними, - вот откуда устремлён этот образный призыв, иконное призывание из области инобытия... вот куда устремлено молитвенное ожидание перед образом... в почитании его. Иное отношение к образу, как видится, вполне бы сродни древнему каинову греху: не будет воспринят дар, не разделён верно. Оставлены части наших приношений перед образом для себя, для своего ума заключающего, для своей души блудящей, для своего тела, довлеющего и не знающего насыщения, наслаждения, удовлетворяющего его... Если полученный дар – образ не разделён вот так, всецело со своим Творцом, не отдан всецело – Творцу, то превратится этот дар в печать каинову: печать умственных заключений прелюбодейной души, сонного ума, одебелившей плоти противоречащих, противоборствующих, противостоящих друг-другу, желающих разного... Иное – в распространении уцеломудренного образом человеческого естества за пределы свои – в уподоблении образа в человеке – Богу. Путь пример этого рас-пространения – образ – перед нами... при-мерим же образ откровенный к себе – самим – прежде всякого рассмотрения, прежде рассуждения и вместе с ними.